

СТАНИСЛАВСКИЙ

ОН БЫЛ великим режиссером и актером. А это значит, что он был высоким учителем — в самом полном смысле этого слова. Только Станиславский-актер тысячи раз выходил на подмостки перед битком набитым залом, спектакли Станиславского-режиссера сплошь и рядом становились событием в театральной жизни, а деятельность Станиславского-педагога проходила за кулисами, в репетиционных выгородках и студиях.

Гимназические впечатления Кости Алексеева не были радостными. Бессмысленная зубрежка, на всю жизнь испортившая память, злобные и беззлобные чудачки в учительских мундирах за кафедрой, продуманная система издевательств и унижений...

«Малый театр лучше всяких школ действовал на мое духовное развитие. Он научил меня смотреть и видеть прекрасное. А что может быть полезнее этого воспитания эстетического чувства и вкуса?». Слова Станиславского замечательно совпадают с устремлениями передовых современных педагогов-словесников, равно как и его призыв «делать учебные годы детей радостным сном на всю жизнь, а не каторжной работой, о которой вспоминаешь, как о мучительном кошмаре!». Почаще бы нам, учителям, обращаться к суждениям этого Ушинского русского театра. Еще и еще раз задумаемся над его справедливым упреком:

«В создании... предрассудков и в искажении великих произведений ложными тра-

диями повинны не только театры и актеры, но в еще большей степени — педагоги, которые с ранней юности, когда еще так остра впечатлительность, сильна интуиция и свежа память, на всю жизнь портят прелесть первого знакомства с гениями. Они по одному общему, выветрившемуся и потому сухому шаблону говорят о Великом».

СТАНИСЛАВСКИЙ на редкость чутко улавливал недостатки преподавания, пронизательно определял общие задачи, вдохновенно писал о сверхзадаче и сквозном действии, без которых нынче немислимы ни хороший спектакль, ни хорошее преподавание. В его книгах «Моя жизнь в искусстве» и «Работа актера над собой» учитель найдет изобилие тончайших и вернейших конкретных рекомендаций.

Одна только выдержка из воспоминаний артиста о своем детстве читается, как квалифицированное руководство по внеклассной работе преподавателя литературы. «Я готовился к каждому спектаклю Малого театра. Для этого составлялся небольшой кружок молодых людей, которые все вместе читали пьесу, ...изучали литературу о ней, критику на нее, сами устанавливали свои взгляды на произведение; потом всем кружком мы шли смотреть спектакль, а после него, в ряде новых бесед, поверяли друг другу свои впечатления». Как было бы отрадно, если бы все большее число наших преподавателей следовало примеру гимназиста Константина Алексеева!

Внимательно изучает будущий режиссер опыт своих предшественников. Блестящие страницы посвящает он анализу вековых традиций школы Щепкина, Медведевой, Федотовой. И в педагогической работе не был он дилетантом, а замечательным мастером-профессионалом.

А КАКУЮ громадную пользу извлекает учитель литературы из художественного анализа классических произведений, сделанного Станиславским — режиссером и актером! Ведь он неоднократно обращался к «Горю от ума», к маленьким трагедиям Пушкина и на оперной сцене — к «Евгению Онегину», «Пиковой даме», «Борису Годунову». Ставил он и гоголевских «Ревизора» (дважды) и «Мертвые души», а также «Месяц в деревне» и «Провинциалку» Тургенева. Станиславский не обращался к «Грозе» Островского, но с увлечением работал над «Лесом», «Светит, да не греет», «Бесприданницей», «Где тонко, там и рвется», «Горячим сердцем», «Талантами и поклонниками». Постановка пьес Л. Н. Толстого тоже не обошлась без его участия. И, конечно, он был одним из активнейших создателей всех чеховских спектаклей, включая инсценировки «Злоумышленника», «Унтера Пришибева» и «Хирургии».

На сцене Художественного театра под его режиссурой появляется первая пьеса Горького «Мещане» и следующая, всемирно известная — «На дне», и в разгар революционных событий 1905 года —

«Дети солнца». Наконец, раз уж мы говорим об изучаемых в школе писателях, заметим, что Станиславский участвовал в создании нескольких шекспировских спектаклей: «Гамлета», «Отелло», «Юлия Цезаря», «Двенадцатой ночи», «Много шума из ничего».

И почти во всех этих спектаклях он играл, причем часто, по отзывам театральной критики, гениально. Много выступал он и в спектаклях, поставленных другими режиссерами.

ЕСЛИ БЫ кто-нибудь взял да и собрал разрозненные материалы, связанные со всеми этими ролями и постановками Станиславского, какое бы получилось неординарное пособие для учителя! Режиссерские разработки, письма, воспоминания зрителей и товарищей по искусству содержат бедную оценкой классических произведений и характеров их героев, оценоч, в которых тончайший анализ гармонирует с вдохновенной интуицией.

В 1924 году в Художественном театре решили возобновить «Горе от ума», и одним из помощников Станиславского по этой работе был привлечен молодой тогда режиссер Н. М. Горчаков. В одной из своих книг он рассказывает между прочим, как учил его Станиславский читать текст и проникаться атмосферой пьесы. Он заставил Горчакова начинать чтение комедии не с первой реплики Лизы, даже не с ремарки в начале 1-го явления, а с перечня действующих лиц.